

УДК 165.62 (44)

Батаева Е. В.**«ВИДИМОЕ» И «НЕВИДИМОЕ» В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Ж.-П. САРТРА И Г. МАРСЕЛЯ**

В статье представлены результаты анализа визуального контента феноменологических концепций Ж.-П. Сартра и Г. Марселя. Проанализированы оригинальные визуальные концепты Ж.-П. Сартра, такие как «пристальный взгляд», «быть-увиденным-другим», «ментальный образ», для восприятия которого требуется «рефлексивная вера». Представлен анализ экзистенциальных состояний стыда и гордости, которые Ж.-П. Сартр оценивает как эффекты визуализации человека, находящегося «под прицелом» чужого взгляда. Рассмотрена концепция «ясновидения» Г. Марселя, в которой описана специфическая техника видения, нацеленная на понимание еще не свершившихся экзистенциальных ситуаций. Если «пристально-смотрящий-субъект» Ж.-П. Сартра является активным деятелем, сознательно совершающим акты видения, то «ясновидящий» Г. Марселя является фигурой пассивной, для которого «видеть» означает «становиться Другим».

Ключевые слова: феноменология, пристальный взгляд, ментальный образ, ясновидение, участное видение.

У статті подано результати аналізу візуального контенту феноменологічних концепцій Ж.-П. Сартра і Г. Марселя. Проаналізовано оригінальні візуальні концепти Ж.-П. Сартра, такі як «пильний погляд», «бути-побаченим-іншим», «ментальний образ», для сприйняття якого потрібна «рефлексивна віра». Подано аналіз екзистенціальних станів сорому й гордості, які Ж.-П. Сартр оцінює як ефекти візуалізації людини, що перебуває «під прицілом» чужого погляду. Розглянуто концепцію «ясновидіння» Г. Марселя, у якій описано специфічну техніку бачення, націлену на розуміння екзистенціальних ситуацій, що ще не відбулися. Якщо «суб'єкт-що-пильно-дивиться» Ж.-П. Сартра є активним діячем, що свідомо здійснює акти бачення, то «ясновидець» Г. Марселя є фігурою пасивною, для якого «бачити» означає «ставати Іншим».

Ключові слова: феноменологія, пильний погляд, ментальний образ, ясновидіння, часне бачення.

The paper presents results of visual analysis of phenomenological concepts of J.-P. Sartre and G. Marcel. Original visual concepts of J.-P. Sartre are analyzed as «gaze», «to be visible by others», «mental image» where for perception of the latter «reflexive faith» is needed. Analysis of existential states of shame and pride are presented. They are evaluated by J.-P. Sartre as effects of visualization of a human placed «under sight» of others. Besides, a concept of «clairvoyance» by G. Marcel is presented. It describes a specific technique of vision focused on understanding of existential situations that have not occurred yet. It is established that «attentively-gazing-subject» of J.-P. Sartre is an active actor that carries out the acts of vision consciously. Meanwhile, «clairvoyant» of G. Marcel is a passive figure for whom «to see» means «to become Another».

The keywords: phenomenology, gaze, mental image, clairvoyance, participating vision.

Становление визуальной парадигмы в современной философии предполагает

изучение визуальных концепций, которые были созданы в прошлом. Особый интерес для визуальных теоретиков представляет феноменологическая философия, в которой представлен глубокий рефлексивный анализ визуальных концептов, рецепции которого можно найти в трудах многих современных мыслителей. Как и в немецкой феноменологии Э. Гуссерля, во французской феноменологии М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартра, Г. Марселя визуальная тематика занимает важное место. В трудах М. Мерло-Понти («Феноменология восприятия», «Око и дух» и «Видимое и невидимое»), Ж.-П. Сартра («Воображаемое. Феноменологическая психология воображения», «Бытие и ничто»), Г. Марселя («Метафизический дневник») можно обнаружить феноменологическую аналитику концептов видения, не-видения, взгляда, зрения. Однако, несмотря на то, что визуальная тематика представляла значительный интерес для французских феноменологов, в работах многих исследователей их творчества (В. И. Добрыниной, М. А. Кисселя, В. И. Колядко, О. В. Поповой, Я. А. Слина, Г. М. Тавризяна, Н. В. Шерстюка) практически отсутствует аналитика визуальных концептов французских философов. Целью статьи является рассмотрение концептов Ж.-П. Сартра и Г. Марселя, обладающих визуальными обертонами.

Оригинальная феноменология видения Ж.-П. Сартра раскрывается в его работе «Бытие и ничто» (1943), в которой была представлена концепция «пристального взгляда». По мнению исследователей творчества Ж.-П. Сартра, тема «пристального взгляда» может быть расценена как введение в феноменологию социальных взаимоотношений, поскольку именно пристальный взгляд Другого, который человек переживает как посягательство на свою свободу, создает первичное социальное пространство. Философия пристального взгляда Ж.-П. Сартра, в отличие от философии доверительного видения вещей М. Мерло-Понти, описывает ситуацию властно-отстраненного, безучастного рассмотрения человеческой личности «как вещи». Пристальный взгляд превращает Другого в объект среди других объектов, который можно по собственному желанию «выворачивать наизнанку», заставлять краснеть и смущаться. В том же случае, если Другой обращает свой взгляд на меня, он из объекта (опять же для меня) превращается в субъект: «Становление его субъектом для меня совершается тогда, когда его взгляд переносится с мира окружающих нас обоих объектов на меня, и я испытываю шок от того, что меня разглядывают, это похоже на стыд, который охватывает человека, замеченного в смущающей ситуации. Именно это переживание устанавливает существование другого как определенное, как неоспоримое» [5, с. 520].

Анализируя феномен «пристального взгляда», Ж.-П. Сартр сопоставляет понятия взгляда и глаза. По выражению Ж.-П. Сартра, глаз служит лишь «опорой для взгляда» [5, с. 281], направляя, ориентируя его на те или иные объекты видения. Однако, в отличие от глаза, взгляд уже не принадлежит человеческому телу, — он трансgressирует тело, выходит за его пределы, — он сливается с самими вещами и лицами, с самими объектами видения (как точно заметил М. Мерло-Понти, «взгляд является воплощением видящего в видимом, поиском самого себя в видимом, к которому он и причастен» [4, с. 190]). Взгляд принадлежит не глазу, а миру, на который глаз смотрит. Ж.-П. Сартр следующим образом описал антитетику глаза и взгляда: «Глаза как объекты моего восприятия остаются на точном расстоянии,

которое разворачивается от меня к ним (одним словом, я присутствую в глазах без расстояния, но они находятся на расстоянии от места, где я «нахожусь»), тогда как взгляд сразу находится во мне без расстояния» [5, с. 281]. Глаз принадлежит телу, тогда как взгляд «без расстояния» размещается на поверхности видимого.

Человек в философии Ж.-П. Сартра – это не только субъект, направляющий взгляд на Другого, но и объект, претерпевающий действие пристального взгляда Других. В работе «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартр предложил феноменологический анализ ситуации, которую он определил как «быть-увиденным-другим», или иначе – «быть-под-прицелом-пристального-взгляда-Другого». Ж.-П. Сартр попытался понять, что происходит с человеком, за которым пристально наблюдают, за которым следят. Жизнь человека, ощутившего, что его пристально рассматривают (по мнению Сартра, взгляд другого можно лишь ощутить, прочувствовать), что он находится в фокусе чужого взгляда, превращается в «бытие-без-защиты», «бытие-в-рабстве»: такой человек лишается свободы, спокойствия и уверенности в себе, – он понимает, что находится в худшей ситуации, нежели наблюдатель, и в любой момент может быть атакован. «Быть-увиденным конституирует меня как бытие без защиты перед свободой, которая не является моей свободой. Именно в этом смысле мы можем рассматривать себя в качестве «рабов», поскольку мы являемся другому. ... Поскольку я – объект оценок, которые стараются меня определить, без того чтобы я мог воздействовать на это определение и даже знать его, я нахожусь в рабстве. Поскольку я являюсь сразу инструментом возможностей, которые не являются моими и о которых я делаю только предположение чистого присутствия вне моего бытия, отрицающего мою трансцендентность, чтобы конституировать мне средство для целей, которых я не знаю, я нахожусь в опасности. И эта опасность не случайна, она – постоянная структура моего бытия-для-другого» [5, с. 290]. Ж.-П. Сартра интересует внутреннее состояние человека, оказавшегося под наблюдением, «под колпаком» слежки. Такой человек ощущает себя игрушкой в руках невидимого, но где-то рядом присутствующего Другого, – объектом чужих решений. Экзистенциальная опасность подобной ситуации заключается в том, что человек не в состоянии оказать никакого влияния на внешнюю ситуацию (он может вообще не знать, а только лишь интуитивно догадываться о намерениях Другого), не в состоянии защищаться; он вынужден лишь «претерпевать» ситуацию слежки, постоянно ощущая себя «на грани» срыва.

Ж.-П. Сартр дал описание еще одной экзистенциальной ситуации, в которой наблюдаемый объект-индивид может испытывать чувство стыда или гордости: если человек оказался кем-то замеченным в момент, когда он совершает какое-либо неэтичное действие (например, подсматривает за другими в замочную скважину), – он может испытать острый стыд; напротив, если человек оказался кем-то увиденным в момент, когда он совершает благородный поступок (например, спасает кому-то жизнь), то он испытает чувство гордости, потому что взгляд другого становится свидетелем его жизненного триумфа. «Как раз стыд или гордость открывают мне взгляд другого и самого меня на краю этого взгляда, заставляют меня *переживать*, не *познавать* рассматриваемую ситуацию. Итак, стыд является стыдом перед *собой*, он является *признанием* того, что я *есть* тот объект, на который смотрит другой и судит

его» [5, с. 284]. Стыд и гордость – эффекты пребывания под чужим взглядом; человек переживает эти экзистенциальные состояния в том случае, если представляет себя «увиденным» и, как следствие, осужденным или одобренным.

По мнению Ж.-П. Сартра, изменить ситуацию, избавиться от экзистенциального состояния страха или стыда можно, если произвести инверсию зрительной перспективы, если из объекта-для-взгляда-другого превратится в субъект-смотрящий-на-других. «Объективация другого является защитой моего бытия, которая как раз освобождает меня от бытия для другого, придавая другому бытие для меня» [5, с. 291]. Если не хочешь быть объектом для взгляда Надзирателя, – сам стань Надзирателем и преврати других в наблюдаемые объекты. Несколько иной рецепт ускользания от слежки посредством использования практик мимикрии описывает Б. Гройс. Меняющийся, нестабильный субъект, играющий разные роли, участвующий в разных жизненных спектаклях становится нераспознаваемым, не-фиксируемым взглядом-сканером Надзирателя. «Человек обладает способностью и одновременно вынужден показывать, инсценировать и маскировать себя, чтобы защититься от взгляда другого – ведь этот взгляд всегда зол, опасен и разрушителен. ...Цель такой самомаскировки состоит, прежде всего, в том, чтобы обезоружить взгляд другого» [1, с. 68]. «Обезоружить» чужой взгляд можно не только маскируясь, но и, наоборот, максимально выявляя свое «внутреннее», вводя тем самым следящую инстанцию в полное замешательство. Желая увидеть «запретное», Надзиратель может столкнуться с ним в самооткровениях наблюдаемого субъекта и временно удовлетвориться увиденным. «Выставляя свое опасное внутреннее как маску, я эксплицитно подтверждаю направленное на меня подозрение – и тем самым успокаиваю злой взгляд другого. В феномене откровенности этот взгляд встречается с самим собой – и, таким образом, хотя бы на какое-то время нейтрализуется» [1, с. 68].

В книге «Воображаемое. Феноменологическая психология воображения» (1940) Ж.-П. Сартр развивает основы феноменологического видения образа в сознании субъекта, которое несколько отличается от гуссерлевского. Если Э. Гуссерль акцентировал необходимость «заклучения в скобки» факта существования или несуществования рассматриваемой вещи, то Ж.-П. Сартр подчеркивал важность реального/виртуального присутствия самой вещи, самого реального опыта в созерцаемом образе: феноменолог, рассматривая некий ментальный образ, необходимо имеет в виду (сознательно нацеливает свой феноменологический взгляд на) сам объект, образ которого находится перед ним. «В ментальном образе объект усматривается как синтез восприятий, то есть в своей телесной и чувственной форме; но он появляется посредством аффективного аналога» [6, с. 167]. Рефлексивное видение ментального образа в концепции Ж.-П. Сартра дополняется движением веры, нацеленной на сам объект [6, с. 168]. В данном пункте можно усмотреть идейное сходство между концепциями М. Мерло-Понти и Ж.-П. Сартра, в каждой из которых используется концепт веры (у Мерло-Понти – перцептивной веры, у Сартра – рефлексивной веры). В концепте «перцептивной веры» М. Мерло-Понти раскрывается возможность исходного принятия увиденного как «само собой разумеющегося», достоверность которого постигается «по ту сторону доказательств»; это вера в то, что «наше видение приходит к самим вещам» [4, с. 45]. Согласно же Ж.-

П. Сартру, рефлексия является вторичным (применяемым после осуществления акта веры в существование объекта) движением, которое он также определяет посредством термина веры, – веры в трансцендентальное существование образа в сознании субъекта: «одним из существенных факторов образного сознания является вера... Образное сознание есть сознание объекта в образе, а не сознание образа. Но если поверх этого образного сознания мы формируем *второе*, а именно *рефлексивное* сознание, то появляется новая разновидность веры – *вера в существование образа*» (Курсив наш. – Автор) [6, с. 168].

Проанализируем содержание визуальных понятий, используемых Г. Марселем, наиболее известным из которых может быть признан концепт «ясновидения», отрефлексируемый в «Метафизическом дневнике» (1927). Ясновидение сопоставляется с еще не свершившимися, не существующими в реальном времени экзистенциальными ситуациями. Если «трансцендентальный субъект» Э. Гуссерля, «воспринимающая личность» М. Мерло-Понти, «пристально-смотрящий» Ж.-П. Сартра являются активными агентами, которые произвольно и сознательно совершают акты видения или рассматривания, то «ясновидящий» Г. Марсель – фигура пассивная, задачей которой становится самоумаление, идентификация с клиентом, воссоздание в своем сознании жизненных ситуаций *других* людей. «Чтобы видеть, ясновидящему не нужно действовать, наоборот: его видение есть функция пассивности, как нормальное восприятие есть функция моей активности. ... Будущее тем в большей мере откроется человеку, чем меньше он будет заключен в рамках своей собственной деятельности, своей собственной инструментальной ценности» [3, с. 461]. Таким образом, практики ясновидения требуют от медиума согласия быть всего лишь транслятором воли чужой субъективности.

В «Метафизическом дневнике» Г. Марсель развивает тему *участного* восприятия реальности, результатом которого может стать подлинное видение (ясновидение) сути происходящего. В феноменологии Марселя «участие противопоставлено позиции зрителя. Это, действительно, одно из оснований марселевой концепции существования» [8, с. 464]. Участное видение предполагает наличие определенной симпатической связи между воспринимающим и воспринимаемым, объединяющей их в единое целое: «видеть» другого – значит вспоминать о другом, значит становиться другим» [3, с. 427].

Подведем некоторые итоги и выявим особенности французской феноменологии видения. Если основной установкой гуссерлевской феноменологии является «заклучение в скобки» реального мира и сосредоточение на представленных в сознании эйдосов, то французские феноменологи обосновали важность рассмотрения экзистенциальной реальности вещей. Как полагает Г. Шпигельберг, в этом можно заметить специфику французской феноменологии: «Возможно, самая характерная черта французской феноменологии – ее тесная связь, если не совпадение, с экзистенциализмом, контрастирующая с их отделенностью и даже антагонизмом в Германии» [7, с. 433].

Если в классической феноменологии Э. Гуссерля видение интенциональных объектов осуществляется в *сogito* трансцендентального субъекта, который интеллектуально созерцает их эйдетические сущности, то в концепциях французских

феноменологов обосновывается важность практик видения, нацеленных не столько на интенциональные предметности, сколько на существование Другого (Ж.-П. Сартр, Г. Марсель). Причем сам акт видения во французской феноменологии описывается не как рефлексивная практика феноменологического рассмотрения, но как телесное действие, осуществляемое телесными глазами («пристальный взгляд» Ж.-П. Сартра).

Кроме того, имеет место еще одно существенное расхождение между сравниваемыми версиями феноменологии. Можно сказать, что сартровский (как и гуссерлевский) проект феноменологии осуществляется в режиме *наблюдения*, безучастно-незаинтересованного рассмотрения объектов мысли, тогда как в феноменологии Г. Марселя (как и М. Мерло-Понти) можно заметить движение замены наблюдения режимом *участного, заинтересованного видения* живых предметов.

Литература:

1. Гройс Б. Под подозрением. Феноменология медиа [Текст] / Б. Гройс. – М. : Художественный журнал, 2006. – 199 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Феноменология [Текст] / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб. : Лаборатория метафизических исследований филос. фак-та СПбГУ. – Алетейя, 2001. – 160 с.
3. Марсель Г. Метафизический дневник [Текст] / Г. Марсель. – СПб. : «Наука», 2005. – 587 с.
4. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое [Текст] / М. Мерло-Понти. – Мн. : Логвинов, 2006. – 400 с.
5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии [Текст] / Ж.-П. Сартр. – М. : Республика, 2000. – 638 с.
6. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия [Текст] / Ж.-П. Сартр. – СПб. : Наука, 2001. – 319 с.
7. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение [Текст] / Г. Шпигельберг. – М. : Логос, 2002. – 680 с.